Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sszhiltsov@mail.ru

Аннотация: В последние годы страны Каспийского региона стремятся расширить региональное сотрудничество в энергетической и транспортной сферах. Длительное время эти направления сотрудничества не получали своего развития, что в целом негативно сказывалось на региональной экономике. Пересмотр стран региона сложившихся подходов к сотрудничеству продиктован ростом проблем в экономике каждого из государств. Сохраняется интерес к Каспийскому региону со стороны внерегиональных государств. Прежде всего, их привлекают проекты, направленные на диверсификацию поставок углеводородных ресурсов из региона на внешний рынок. В свою очередь, строительство новых экспортных трубопроводов рассматривается странами Каспийского региона в качестве укрепления своих геополитических позиций и решения социально-экономических проектов. Новые трубопроводы могут не только создать дополнительные возможности для доставки нефти и газа из региона на внешние рынки, но и кардинально изменить расстановку сил. Этим объясняется повышенное внимание к вопросам добычи и экспорта углеводородных ресурсов.

В тоже время, пересмотр энергетической политики стран региона, который начался в 1990-х годах, не снизил их зависимость от внерегиональных стран, которые выступают в качестве конечного потребителя или транзитеров нефти и газа. Строительство новых трубопроводов разрушило монополию России на экспорт углеводородных ресурсов из стран региона на внешние рынки. Однако снижение российского влияния компенсировали Иран и Китай, которые через механизмы ценообразования и объемы закупаемого углеводородного сырья получили возможности влиять на государства региона. По этой причине, страны региона выступают за дальнейшее увеличение числа новых трубопроводов, считая, что их строительство расширит возможности для экспорта нефти и газа и снизит зависимость от соседних государств.

Ключевые слова: Каспийский регион, энергетическая политика, нефть, газ, трубопроводы, Россия, США, ЕС, Китай

Для цитирования: Жильцов С.С. Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>

Статья поступила: 27.09.2019

Принята в печать 13.10.2019

Опубликована 02.12.2019

The infrastructure projects in the Caspian Region

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
sszhiltsov@mail.ru

Abstract: In recent years, the countries of the Caspian region have sought to expand regional cooperation in energy and transport spheres. For a long time, these areas of cooperation were not being developed, which negatively affected the regional economy. The revision of the existing approaches of regional countries to cooperation is dictated by the growth of problems of economic development of each country. Non-regional states have a continuing interest in the Caspian region. First of all, they are interested in projects aimed at diversifying the supply of hydrocarbon resources from the region to foreign markets. In turn, the construction of new export pipelines is considered by the countries of the Caspian region as a way of strengthening their geopolitical positions and realising socio-economic projects. New pipelines not only can create additional opportunities for the delivery of oil and gas from the region to foreign markets, but also can radically change the balance of power. This explains the increased attention to the issues of production and export of hydrocarbon resources.

At the same time, the revision of the energy policy of the regional countries, which began in the 1990s, did not reduce their dependence on non-regional states that act as final consumers or transit countries for oil and gas. The construction of new pipelines broke Russia's monopoly over the export of hydrocarbon resources from the regional countries to foreign markets. However, the decline of Russian influence was compensated by Iran and China, which got the opportunity to influence the regional countries through pricing mechanisms and volumes of purchased hydrocarbon raw materials. For this reason, the regional countries are in favor of a further increase in the number of new pipelines, believing that their construction will expand opportunities for oil and gas exports and will reduce dependence on neighboring states.

Keywords: Caspian region, energy policy, oil, gas, pipelines, Russia, USA, EU, China

For citation: Zhiltsov S.S. The infrastructure projects in the Caspian Region. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>

Received 27.09.2019

Revised 13.10.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

В 90-х годах прошлого века энергетические ресурсы Каспийского региона и Центральной Азии оказались в фокусе внимания стран, которые образовались после распада СССР. Они также привлекли повышенное внимание западных стран [1]. Нефть и газ

в Каспийском регионе и Центральной Азии рассматривались ими в качестве источников, способных снизить зависимость от стран — экспортеров нефти Персидского залива [2]. В свою очередь, публикации о наличии значительных запасах углеводо-

родных ресурсов подталкивали некоторые центрально-азиатские страны ускорить разработку собственных месторождений. Так, Казахстан и Туркменистан, располагавшие наибольшими запасами нефти и газа [3], не стали дожидаться подписания Конвенции о международно-правовом статусе Каспийского моря и начали освоение месторождений [4]. Более того, для получения политической поддержки и форсирование освоение месторождений, они привлекли западный нефтегазовый капитал.

Многие из проектов трубопроводов, которые предлагались в 1990-х годах и были направлены на создание условий для экспорта углеводородных ресурсов из Каспийского региона и Центральной Азии, в XXI веке были реализованы. Среди них следует отметить газопроводы Туркменистан — Иран (1997, 2010 гг.), газопроводы и нефтепроводы Туркменистан — Китай (2009 г.), Казахстан — Китай (2009 г.). Кроме этого, был реализован проект Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), который обеспечил выход казахстанской нефти в Россию. Также был сформирован энергетический коридор для поставок нефти танкерами из Казахстана и Туркменистана через Каспийское море в Азербайджан. Хотя объемы поставок не превышали в среднем 2–3 млн тонн за год, тем не менее, сама возможность экспорта в западном направлении высоко оценивалась в странах Центральной Азии.

Закреплению Китая в Центральной Азии облегчала изоляция Ирана. Введение против Тегерана западных санкций привело к исключению иранской стороны из обсуждения новых проектов по добыче и экспорту нефти и газа из Каспийского региона и Центральной Азии. Кроме того, сказалась заинтересованность Пекина в углеводородных ресурсах и стремление снизить зависимость от поставок с Ближнего Востока [5].

Это усилило его внимание к нефти и газу Центральной Азии [6]. В итоге Китай расширил присутствие в энергетическом секторе стран региона. В первую очередь, в Казахстане и Туркменистане, одновременно добившись серьезных успехов в организации поставок оборудования и предоставления сервисных услуг для нефтегазового сектора [7].

Новая трубопроводная инфраструктура, созданная странами региона, позволила им диверсифицировать поставки нефти и газа на внешние рынки. В свою очередь, внерегиональные государства стремились подключиться к новым проектам разведки, освоению и экспорту углеводородов Центрально-азиатского и Каспийского регионов. При том, что для них нефть и газ Каспия были лишь теми «блюдами», которые еще только предстояло распробовать [8]. Тем не менее, борьба за доступ к нефти и газу Центральной Азии, выбор будущих маршрутов экспорта, привели к геополитической и экономической конкуренции между заинтересованными региональными и внерегиональными игроками [9].

ИМИТАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

К 2015-2016 годам страны Центральной Азии завершили длительный этап по созданию новых трубопроводов. Экспортные газопроводы и нефтепроводы нарушили монопольное положение России, как и основного транзитера и потребителя, и создали условия для выхода центрально-азиатских ресурсов на внешний рынок. Однако строительство новых трубопроводов, идущих из стран Центральной Азии не снизило их зависимость от соседних государств, которые выступают в качестве основных потребителей углеводородных ресурсов. Так, в 2015 году Китай завершил сооружение второй и третьей «ниток» трубопровода

Туркменистан — Китай, что позволило Пекину довести потенциально максимальный объем импорта газа до 55 млрд м³ в год. Однако затем китайская сторона уменьшила интерес к туркменскому газу, что было связано с развитием собственной добычи. Это привело к переносу сроков строительства четвертой «ветки» газопровода протяженностью 210 км и мощностью 30 млрд м³. Трубопровод должен был соединить действующую систему газопроводов на территории Узбекистана со строящимся участком в Таджикистане. В марте 2017 года компании «Узбекнефтегаз» и китайская национальная нефтегазовая корпорация отложили реализацию проекта [10]. Однако уже в 2018 году в связи с активизацией политики ЕС, который усилил интерес к туркменским ресурсам, Китай изменил свою политику, выразив готовность приступить к прокладке газопровода Туркменистан — Китай по территории Таджикистана.

Временное снижение заинтересованности Китая в расширении мощности экспортного газопровода происходило на фоне пересмотра принципов сотрудничества с Туркменистаном со стороны России и Ирана. Во втором десятилетии XXI века поставки туркменского газа в Россию неуклонно снижались, а с января 2016 года экспорт газа через российскую территорию был прекращен. Прежде всего, это было связано с отсутствием спроса на туркменские углеводородные ресурсы на европейском рынке, куда он длительное время поставлялся через российскую территорию, а также расхождением подходов двух стран к ценообразованию.

Непросто складывались отношения Туркменистана с Ираном. Туркменская сторона могла экспортировать газ в Иран по двум трубопроводам, построенным в 1997 году и в 2010 году. Для Ирана, который с середины 1990-х годов находился под санкциями

западных стран, строительство газопроводов, идущих из Туркменистана, позволяло решать текущие экономические задачи, связанные с поставками газа в северо-восточные области страны, удаленных от основных иранских газовых месторождений. Максимально возможный объем поставок мог быть доведен до 20 млрд м³. Однако Тегерану столько газа никогда не требовалось и Туркменистан ежегодно экспортировал в Иран в среднем около 8 млрд м³. В свою очередь, иранское направление рассматривалось Ашхабадом в качестве перспективного маршрута экспорта углеводородных ресурсов. Туркменистан рассчитывал увеличить поставки до 14 млрд м³, а в перспективе реализовать проект строительства газопровода в Европу, который должен был проходить через иранскую территорию. Однако данные планы не были реализованы. Более того, в конце 2016 года отношения двух стран ухудшились. Причиной послужила неурегулированность вопроса о долге Ирана в размере 1,8 млрд долл., который образовался в 2007-2008 годах за поставки туркменского газа. Иранская сторона отказалась выполнить требование Туркменистана, который с января 2017 года в качестве ответной меры прекратил поставлять газ в северо-восточные области Ирана. Однако данные действия Ашхабада не изменили позицию иранской стороны. В последние годы Иран осваивает месторождение Южный Парс и создает инфраструктуру для поставок собственного газа в северо-восточные области страны. Для этого был построен газопровод, задействован автомобильный и железнодорожный транспорт. В результате, после 2016 года Иран смог самостоятельно обеспечить внутренние потребности, что снизило его заинтересованность в приобретении туркменского газа. К началу 2018 года, Иран и Туркменистан не сумели возобновить

сотрудничество в энергетической сфере. В итоге, единственным покупателем туркменского газа оказался Китай.

Расчеты Ашхабада на поставки газа в западном направлении — в Европу также не оправдались. Периодически ЕС инициирует переговоры о строительстве Транскаспийского газопровода, который должен создать возможности для транспортировки туркменского газа на европейский рынок. Однако пока дальше политических заявлений проект не продвинулся. Сказывается нерешенность вопроса о статусе Каспийского моря в пятистороннем формате. Строительству газопровода препятствуют неясные перспективы относительно уровня добычи газа в Туркменистане, расхождение интересов между Ашхабадом и Баку, поскольку азербайджанская сторона заинтересована в поставках в Европу собственных углеводородных ресурсов.

Таким образом, пример Туркменистана показывает, что экспорт углеводородных ресурсов этой страны по-прежнему находится в сильной зависимости от политики соседних государств, прежде всего, России, Ирана и Китая. Новые экспортные трубопроводы открыли странам региона дополнительные возможности. Однако это не привело к повышению энергетической независимости центрально-азиатских стран.

КУРС НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ МАРШРУТОВ ЭКСПОРТА

Несмотря реализацию ряда трубопроводных проектов, во втором десятилетии XXI века страны Каспийского региона и Центральной Азии стремились расширить возможности для экспорта углеводородных ресурсов. Усиление интереса к реализации новых экспортных трубопроводов в значительной мере произошло под влиянием России, Ирана и Китая [11], поскольку эти страны стали пересматривать характер со-

трудничества с государствами Центральной Азии в энергетической сфере. В первую очередь, это было связано со снижением у них потребности в получении дополнительных объемов углеводородных ресурсов, а также изменением геополитической ситуации в Центральной Азии и характера отношений Ирана с западными странами.

Одновременно страны региона приступили к освоению новых крупнейших месторождений. С 2016 года Казахстан начал добычу нефти на месторождении «Кашаган», с которым связаны планы по наращиванию добычи и поставкам нефти на внешний рынок. Туркменистан осваивает газовое месторождение «Галкыныш». Соответственно, со строительством новых трубопроводов, которые должны связать страны региона с новыми потребителями углеводородного сырья, страны Центральной Азии связывают большие надежды.

В последние годы одним из резонансных трубопроводных проектов является проект газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ). Данный проект обсуждался с 90-х годов прошлого века, однако так и не был построен. Тем не менее, Ашхабад сохранял интерес к проекту, пытаясь привлечь к строительству газопровода потенциальных участников. Мощность трубопровода, протяженностью 1800 км должна была составить 33 млрд м³ при стоимости в 10 млрд долл.

С учетом позиции Ирана, который утратил интерес к туркменскому газу и Китая, который стал единственным покупателем углеводородных ресурсов, добываемых Ашхабадом, ТАПИ рассматривался Туркменистаном в качестве альтернативы иранскому и китайскому направлению экспорта. Кроме того, Туркменистан рассматривает Индию в качестве перспективного потребителя углеводородных ресурсов. В случае

реализации ТАПИ Туркменистан сможет диверсифицировать поставки своего газа на внешние рынки, снизив зависимость от других направлений экспорта.

В конце 2015 года Туркменистан начал реализацию проекта ТАПИ, приступив к прокладке «трубы» на своей территории. В созданном для этого консорциуме доли были распределены следующим образом: 51% принадлежит Туркменистану, остальная часть — Афганистану, Пакистану, Индии и внешним инвесторам. Ресурсной базой для газопровода ТАПИ должно стать газовое месторождение «Галкыныш».

На пути реализации проекта стоят различные преграды. Часть маршрута должна пройти по территории Афганистана, где сохраняется нестабильность. Кроме того, проект ТАПИ выступает конкурентом газопроводу Центральная Азия — Китай и не отвечает интересам Ирана. Тегеран заинтересован в строительстве газопровода, идущего в Индию через территорию Пакистана (Иран — Пакистан — Индия (ИПИ)), обходя при этом нестабильный Афганистан.

В феврале 2018 года началось строительство трубопровода ТАПИ на афганской территории. Началу реализации данного участка трубопровода предшествовали переговоры Туркменистана с руководством Афганистана, которое заявило о готовности обеспечить безопасность будущего газопровода. В случае реализации проекта ТАПИ расстановка сил в регионе может кардинально измениться. Туркменистан получит дополнительные возможности для экспорта своего газа на внешние рынки и снизит зависимость от Китая.

Наряду с продвижением проекта ТАПИ, в последние годы Ашхабад обсуждает с ЕС возможности экспорта своего газа на европейский рынок. В июне 2015 года по итогам переговоров между Туркменистаном, Азербайджаном, Турцией и ЕС было приня-

то решение о создании постоянной рабочей группы, которая должна была проработать различные варианты доставок туркменского газа в Европу. Один из них предполагал строительство Транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря. Данная инициатива ЕС преследовала политические интересы. Европейский Союз заинтересован усилить влияние на Туркменистан, добиваясь от него взаимодействия в энергетической сфере.

Казахстан и Азербайджан оперативно отреагировали на заявление представителя ЕС. В декабре 2017 года были созданы две рабочие группы по вопросам транспортировки казахстанских нефти и газа через Азербайджан на внешние рынки. Впрочем, планы Казахстана и Туркменистана по экспорту газа в Европу в ближайшие годы практически не имеют шансов на реализацию. Прежде всего, против строительства Транскаспийского газопровода выступают Россия и Иран, что уменьшало шансы на его реализацию [12]. Выход Ирана из режима санкций, введенных западными странами в 90-х годах, скорректировал его энергетическую политику, в том числе, в Центральной Азии. Иран намерен стать одним из главных поставщиков газа в западном (европейском) и восточном (китайском) направлениях, потеснив прикаспийские государства. К 2021 году Иран намерен экспортировать до 80 млрд м³ газа, что сделает его основным конкурентом Азербайджану и Туркменистану. Соответственно Иран, заинтересованный экспортировать собственные ресурсы, вряд ли согласится осуществлять транзит казахстанского и туркменского газа по своей территории в Европу.

Амбициозные планы по наращиванию добычи и экспорта нефти имеет Казахстан. В конце 2016 года Казахстан начал добывать нефть на месторождении «Кашаган»

в промышленных масштабах. Ожидается, что объем добычи на этом месторождении в последующие годы возрастет до 13 млн т в год и 9 млрд м³ газа. Это позволит Казахстану рассчитывать на рост экспорта по нефтепроводу Западный Казахстан — Китай.

Таким образом, страны Каспийского региона и Центральной Азии вступили в новый период своего развития, проводя политику дальнейшей диверсификации экспортных маршрутов. Туркменистан, который считался лидером по запасам газа, в последние годы экспортировал на внешние рынки, главным образом в Китай, около 30 млрд м³. Еще по 10 млрд м³ в Китай поставлял Узбекистан и Казахстан.

ТРАНСКАСПИЙСКИЙ ГАЗОПРОВОД

В последние годы возобновилось обсуждение проекта Транскаспийского газопровода, который предполагается прокладывать по дну Каспия. Его реализацию поддерживает ряд прикаспийских государств, а информационно-политическую поддержку оказывают западные страны и международные финансовые структуры.

Трубопровод, который должен был связать Туркменистан и Азербайджан, обсуждался с 1990-х годов. Изначально проект Транскаспийского газопровода был направлен на то, чтобы обеспечить экспорт туркменского газа в западном направлении. Его разработка и продвижение пришлось на период, когда западные страны соперничали с Россией за пути транспортировки потенциальных объемов нефти и газа, которые предполагалось добывать в регионе в перспективе. Кроме того, все новые прикаспийские государства стремились диверсифицировать маршруты экспорта углеводородных ресурсов. Появлению и активному обсуждению проекта Транскаспийского газопровода способствовал бум прогнозов об объемах добычи нефти и газа

в Каспийском регионе. Согласно представленным в тот период данным, которые целенаправленно шли от заинтересованных игроков, Каспийский регион должен был занять чуть ли ни лидирующее место в мире по добыче углеводородных ресурсов.

Однако Транскаспийский газопровод так и не был построен в силу объективных причин. Во-первых, были обнаружены значительные запасы газа в Азербайджане. Это снизило интерес Баку к строительству газопровода из Туркменистана, поскольку Азербайджану не нужны были туркменские углеводороды. Затем, основным объемом газа, который добывался на туркменских газовых месторождениях, стал транспортироваться в сторону Китая. Это позволило Ашхабаду на время решить вопрос экспорта газа и также снизило интерес к прокладке трубопровода в стороны европейского газового рынка.

Несмотря на невысокие темпы добычи газа в прикаспийских странах, а также его разбор по разным географическим направлениям, интерес к проекту Транскаспийского газопровода настойчиво поддерживается ЕС и США. На Западе его реализацию преподносят в качестве диверсификации маршрутов экспорта углеводородных ресурсов. Однако в реальности, проект используется как политический инструмент давления на прикаспийские страны, которые находятся в фокусе внимания ЕС и США. Более того, в отношении проекта развернута масштабная информационная кампания, на подобие той, которая шла в 90-х годах прошлого века вокруг новых экспортных трубопроводов. Многочисленные публикации в западных исследовательских центрах, визиты представителей ЕС и США в Туркменистан — эти и другие шаги направлены на сохранение «в живых» проекта Транскаспийского газопровода.

При этом полностью игнорируются положения Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, которая была подписана президентами пяти прикаспийских государств в августе 2018 года. В документе четко изложены условия прокладки трубопроводов по дну Каспия. Так, стоит напомнить, что Конвенция определяет условия, при которых прикаспийские страны могут реализовывать проекты магистральных трубопроводов, идущих по дну Каспия. В статье 14 Конвенции отмечается, что «Стороны могут прокладывать подводные магистральные трубопроводы по дну Каспийского моря при условии соответствия их проектов экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных договорах, участниками которых они являются, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и соответствующие протоколы к ней». Это означает, что прокладку трубопроводов по дну Каспия необходимо рассматривать только в «пакете» с Протоколом по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (ОВОС) к Рамочной Тегеранской конвенции 2003 года.

Документ был принят прибрежными странами 20 июля 2018 года, до проведения саммита президентов прикаспийских государств. В нем закреплено право каждой из стран участвовать в экологической экспертизе для выяснения степени влияния на природную среду Каспия предлагаемого к реализации проекта. Соответственно, заключения по экологии, подготовленного одним из прикаспийских государств, уже будет недостаточно. В этот процесс должны быть вовлечены все заинтересованные стороны. В соответствии с Протоколом, оценка должна проводиться в отношении труб большого диаметра, предназначенных для транспортировки нефти и газа. Таким образом, любое из прикаспийских госу-

дарств сможет принять участие в оценке возможных последствий от прокладки подводной трубы, еще на этапе ее проектирования. Наконец, в той же статье Конвенции по статусу содержится положение, согласно которому «определение трассы для прокладки подводных кабелей и трубопроводов осуществляется по согласованию со Стороной, через сектор дна которой должен быть проведен подводный кабель или трубопровод».

Политизация вопросов, связанных с реализацией проекта Транскаспийского газопровода, проходит на фоне отсутствия ярких событий в энергетике стран региона. В последние годы в прикаспийских государствах не наблюдается резкого роста добычи углеводородного сырья. Все данные и прогнозы говорят о том, что пока не стоит ожидать появления дополнительных объемов газа в Туркменистане. Ресурсы именно этой страны должны были бы наполнить Транскаспийский газопровод. Однако ситуация с загрузкой уже действующих экспортных трубопроводов, в которые поступает туркменский газ, не столь радужна. По газопроводу Туркменистан — Китай экспортировалось 36 млрд м³ газа, при том, что мощность «трубы» составляет 55 млрд м³. Трубопроводы в иранском направлении наполнялись туркменским газом не более чем на 8 млрд м³ газа в год, хотя были рассчитаны на 20 млрд м³. Впрочем, уже несколько лет Туркменистан не имеет и этой возможности.

Азербайджанская сторона политически поддерживает проект Транскаспийского газопровода, хотя туркменский и азербайджанский газ сейчас являются конкурентами. Голубое топливо с азербайджанского морского месторождения «Шах-Дениз II» призвано наполнить создаваемый совместно с Турцией газопровод в Европу ТАНАП. Важно также учитывать принципиальную позицию

Ашхабада о том, что газ он планирует продавать на границе, далее — то есть в гипотетической каспийской трубе — топливо становится собственностью покупателя.

Несмотря на данные по добыче и экспорту, ряд прикаспийских стран и западных государств поддерживают интерес к проекту Транскаспийского газопровода. Прежде всего, это связано с желанием молодых прикаспийских государств сохранить интерес со стороны нефтегазовых компаний к проектам добычи. Сложности, с которыми на практике сталкиваются консорциумы при разработке каспийских месторождений, снизили их интерес к углеводородным ресурсам региона. Они в большей степени рассматриваются как перспективные запасы, роль которых может возрасти в будущем. Кроме того, прикаспийские страны стремятся использовать в своих интересах геополитическую конъюнктуру. Санкции Запада против России, преюбилитетность энергетической политики ЕС и США, направленных на прокладку трубопроводов, идущих в обход России, усиливают заинтересованность прикаспийских государств использовать эти факторы в собственных интересах.

Отсюда и разные трактовки положений Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Некоторые комментаторы продвигают позицию, что Конвенция о правовом статусе позволяет любой прибрежной стране прокладывать магистральные трубопроводы по дну Каспия без согласования с соседями по водоему, то есть без процедуры ОВОС. Так искажается реальное содержание юридических обязательств, принятых на себя всеми сторонами, что может создать превратное представление у потенциальных инвесторов и создать нездоровый ажиотаж. В значительной части публикаций, которые продвигают западные исследовательские центры и некоторые прикаспийские государства, выдвигается тезис,

что после подписания Конвенции о правовом статусе Каспия раздел моря состоялся, что открывает новые возможности для строительства трубопроводов, идущих по дну Каспийского моря. Подобные публикации способствуют активизации переговорного процесса Туркменистана и Азербайджана с ЕС и США, однако создают ненужные барьеры на пути к реализации регионального взаимодействия на Каспии.

В сложившихся условиях Россия стремится расширять политическое сотрудничество с прикаспийскими государствами, подкрепляя его конкретными договоренностями в сфере энергетики. В последнее время вновь активизировались взаимоотношения России с Туркменистаном в энергетической сфере. В конце 2018 года Россия и Туркменистан возобновили переговоры о сотрудничестве в газовой сфере, которое было прекращено в начале 2016 года. Для Туркменистана, который оказался в зависимости от Китая, поставляя свой газ только в китайском направлении, диверсификация маршрутов экспорта являлась ключевой задачей. Россия, возобновляя закупки туркменского газа, усиливала сотрудничество с Ашхабадом, одновременно снижая вероятность переориентации поставок туркменского газа в западном направлении. Тем более, что к этому Туркменистан активно подталкивали ЕС и США, оказывая политическую поддержку проекту Транскаспийского газопровода. В результате переговоров, в апреле 2019 года «Газпром» возобновил закупки туркменского газа. По краткосрочному контракту, который действовал с 15 апреля по 30 июня 2019 года объем поставок составил 1,2 млрд м³. Затем, 1 июля 2019 года «Газпром» заключил контракт на закупку природного газа у «Туркменгаз» сроком на пять лет. Ежегодно российская компания должна будет закупать до 5,5 млрд м³ газа в год.

На фоне заключения соглашения между Россией и Туркменистаном о поставках туркменского газа через российскую территорию, Ашхабад, тем не менее, проводил работу по подписанию рамочного соглашения о поставках своего «голубого топлива» в Европу. В июле 2019 года Туркменистан посетила Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини.

Таким образом, объективных предпосылок к строительству Транскаспийского газопровода пока нет, равно как и не обозначено пока конкретного пула инвесторов либо операторов проекта. У туркменской стороны отсутствуют необходимые объемы газа, сохраняется конкуренция между странами-поставщиками за европейский газовый рынок. Свои проекты предлагает и Иран, который также конкурирует с туркменским и азербайджанским газом. Второй фактор, снижающий потенциальную активность на этом направлении — это экология. Прежде чем прокладывать трубопроводы по дну Каспия, заинтересованные стороны должны будут провести дорогостоящую экспертизу, включающую общественные слушания и ряд других публичных процедур, которая может занять немало времени. Лишь в случае получения положительного решения, а также внесения соответствующих корректировок в планы строительства можно будет приступить к практической реализации трубопроводного проекта. Любой серьезный консорциум инвесторов и операторов подобного рода масштабных проектов просто обязан учитывать эти факторы и взвешивать все возможные риски.

Очевидно, что прорыва в добыче и экспорте углеводородных ресурсов из региона в перспективе ждать не приходится. Каспийские регион не встанет в один ряд с Персидским заливом. В тоже время, ненужная, зачастую искусственная конку-

ренция трубопроводных проектов, подталкивание отдельных стран к принятию односторонних действий, без учета интересов соседних государств может провоцировать рост региональной напряженности. Политика Запада, который упорно реанимирует обсуждение проекта Транскаспийского газопровода, направлена на снижение доверия в рамках «каспийской пятерки» и уровня взаимодействия в экономической и транспортной сферах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Углеводородные и водные ресурсы Центральной Азии по-прежнему остаются в центре внимания государств региона. С экспортом нефти и газа на внешние рынки и обеспечением надежного и стабильного доступа центрально-азиатских стран к водным ресурсам связано дальнейшее развитие региона, укрепление политических институтов государств, которые расположены в регионе. В тоже время, пока не приходится ожидать прорыва в решении региональных проблем, поскольку углеводородные ресурсы Центральной Азии находятся на значительном удалении от внешних рынков [13]. Географическая изолированность ограничивает экспортные возможности стран региона.

Первый этап геополитического соперничества за доступ к углеводородным ресурсам Центральной Азии и выбор маршрутов транспортировки дополнительных объемов нефти и газа, которые стали добывать страны региона, завершился [14]. Выбор был сделан в пользу восточного вектора — в направлении Китая. Новые трубопроводные проекты в европейском направлении по объективным причинам реализованы не были, а Россия сохранила за собой контроль над частью экспорта нефти и газа. Несмотря на это, Казахстан и Туркменистан, обладающие наибольшими запасами

ми углеводородного сырья в Центральной Азии, не отказались от планов расширить не только географию трубопроводных маршрутов, но и увеличить количество направлений экспорта.

В 2016-2019 годах интерес к инфраструктурным проектам в Каспийском регионе и Центральной Азии усилился. Страны оказались вовлечены в обсуждение и реализацию новых проектов экспорта углеводородных ресурсов, рассчитывая с их помо-

щью укрепить позиции в регионе. В то же время, основываясь на динамике добычи нефти и газа в странах Каспийского региона и в Центральной Азии и учитывая объективно существующие экономические и технологические трудности, которые стоят на пути осуществления добычи и экспорта углеводородов, сложно ожидать стремительного роста объемов нефти и газа, поставляемых на внешний рынок.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Старченков Г.И. Нефть Каспия и пути ее транспортировки /Мусульманские страны у границ СНГ. Москва: Институт Востоковедения РАН, Крафт+; 2001. С.298.
2. Schreiner B. Doc. 9635 Europe and the Development of Energy Resources in the Caspian Sea Region. 2003 Ordinary Session (first Part), Documents 9519, 9568 and 9576-9639. Council of Europe: Parliamentary Assembly. *Working Papers*. 2003;1:303-315.
3. Калюжный В.И. выступление на конференции «Нефть и газ Каспийского и Черного морей». Стамбул (Турция), 2003. 27 мая. *Вестник Каспия*. 2003;3:7-12.
4. Рожков И.С. Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):210-220.
5. Pop I. China's Energy Strategy in Central Asia: Interaction with Russia, India and Japan. *UNISCI Discussion Papers*. 2010;24:200-205.
6. Peyrouse S. Turkmenistan: Strategies of Power, Dilemmas of Development: Strategies of Power, Dilemmas of Development. Routledge; 2015. 264 p.
7. Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. Москва: Институт экономики РАН; 2014. С.33.
8. Зонн И.С. Каспий: иллюзии и реальность. Москва: Коркис; 1999. 467 с.
9. Amineh M.P. Impact of the Caspian Energy Supply on the Global Market. *AtlantishPerspectiev*. 2003;27(7-8):27-33.
10. Dadabaev T. «Silk Road» as foreign policy discourse: the construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018;1:30-41.
11. Griffith B. Back Yard Politics: Russia's Foreign Policy Toward the Caspian Basin. *The Journal of Post-Soviet Democratization*. 1998;6:426-441.
12. Sokolsky R., Charlick-Paley T. Caspian Oil and Energy Security. In NATO and Caspian Security: A Mission Too Far? RAND Corporation; 1999. p.69-80.
13. Manning R. The Myth of the Caspian Great Game and the «New Persian Gulf». *The Brown Journal of World Affairs*. 2000;8:15-33.
14. Umbach F., Raszewsk S. Strategic Perspectives for Bilateral Energy Cooperation between the EU and Kazakhstan Geo-Economic and Geopolitical Dimensions in Competition with Russia and China's Central Asia Policies. Konrad-Adenauer-Stiftung; 2016. 70 p.

REFERENCES

1. Starchenkov G.I. Caspian oil and its transportation / Muslim countries near the borders of the CIS. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. Moscow: Kraft+; 2001. p. 298. (in Russ.)
2. Schreiner B. Doc. 9635 Europe and the Development of Energy Resources in the Caspian Sea Region. 2003 Ordinary Session (first Part), Documents 9519, 9568 and 9576-9639. Council of Europe: Parliamentary Assembly. *Working Papers*. 2003;1:303-315.
3. Kalyuzhny V.I. "Exhibiting the oil and gas Caspian and Black seas at the conference", Istanbul. 27 On May. 2003. *Caspian Bulletin*. 2003;3:7-12 (in Russ.)
4. Rozhkov I.S. In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):210-220. (In Russ.)
5. Pop I. China's Energy Strategy in Central Asia: Interaction with Russia, India and Japan. *UNISCI Discussion Papers*. 2010;24:200-205.
6. Peyrouse S. Turkmenistan: Strategies of Power, Dilemmas of Development: Strategies of Power, Dilemmas of Development. Routledge; 2015. 264 p.
7. Dadabaeva Z. A., Kuzmina E. M. regionalization Processes in Central Asia: problems and contradictions. Moscow: Institute of Economics RAS; 2014. P. 33. (in Russ.)
8. Zonn I. S. the Caspian: illusion and reality. Moscow: Korkis; 1999. 467 p. (in Russ.)
9. Amineh M.P. Impact of the Caspian Energy Supply on the Global Market. *AtlantishPerspectiev*. 2003;27(7-8):27-33.
10. Dadabaev T. «Silk Road» as foreign policy discourse: the construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018;1:30-41.
11. Griffith B. Back Yard Politics: Russia's Foreign Policy Toward the Caspian Basin. *The Journal of Post-Soviet Democratization*. 1998;6:426-441.
12. Sokolsky R., Charlick-Paley T. Caspian Oil and Energy Security. In NATO and Caspian Security: A Mission Too Far? RAND Corporation; 1999. p.69-80.
13. Manning R. The Myth of the Caspian Great Game and the «New Persian Gulf». *The Brown Journal of World Affairs*. 2000;8:15-33.
14. Umbach F., Raszewsk S. Strategic Perspectives for Bilateral Energy Cooperation between the EU and Kazakhstan Geo-Economic and Geopolitical Dimensions in Competition with Russia and China's Central Asia Policies. Konrad-Adenauer-Stiftung; 2016. 70 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; sszhiltsov@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; sszhiltsov@mail.ru